

Широкова И.А.
МАОУ СОШ № 89, Тюмень, Россия

ИНТЕРДИСКУРСИВНЫЕ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕКСТОВОГО СМЫСЛА И ИХ ПЕРЕВОД

С современных позиций лингвистики текст рассматривается как смыслопорождающее устройство (Ю. Лотман), открытая система (В. Чернявская), как единица, которой присуща множественность (Р. Барт), диалогичность (М. Бахтин), интертекстуальность (Ю. Кристева). Такие характеристики текста рассматриваются современными учёными в рамках категории интертекстуальности и интердискурсивности.

Необходимость выхода за пределы текста для его анализа (для учёного-лингвиста) и понимания (для обычного читателя), бесспорно, признаётся лингвистами. Объясняя такое свойство текста как множественность, Р. Барт отмечает, что текст соткан из «цитат, отсылок, отзвуков; всё это языки культуры, старые и новые, которые проходят сквозь текст и создают мощную стереофонию. Всякий текст есть междутекст по отношению к какому-то другому тексту, но эту интертекстуальность не следует понимать так, что у текста есть какое-то происхождение ... текст образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат без кавычек» [3: 418].

Ю. Кристева, опираясь на выводы М. Бахтина, пишет, что «любой

текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста» [8: 429]. В её радикальном понимании интертекстуальность может сливаться с понятием интердискурсивности, когда «всякий текст выступает как интертекст», текст имеющий в своей ткани предтексты, «а предтекстом каждого отдельного произведения является не только совокупность всех предшествующих текстов, но и сумма лежащих в их основе общих кодов и смысловых систем» [17: 181].

Если же понимать дискурс как некое общее семиотическое пространство, в которое погружено человеческое сознание, то интертекстуальность и интертекст будет его следствием. Интертексту предшествует интердискурс как система знаний в голове человека, охватывающая все сферы его существования. Так как человеческое сознание не имеет иной формы выражения как языковой, материальной формой выражения этой системы знаний служит языковой знак. Следовательно, интердискурс является предпосылкой существования интертекста.

Современный подход определяет интертекстуальность как категорию текста, а интердискурсивность как когнитивную категорию. «Интердискурсивность запускает в действие иные механизмы тексто- и смыслообразования. В отличие от интертекстуальности как одного из возможных способов создания нового текстового смысла через доступную лингвистическому наблюдению игру на текстовой плоскости с элементами других самостоятельных текстов, интердискурсивность предполагает «переключение» на другую систему знания, кодов и другой тип мышления в сознании реципиента» [17: 228]. Получается, что даже такие элементы текста как аллюзия, цитата и др., которые по своей природе призваны указывать на связи с конкретным предтекстом, могут формировать и интердискурсивные связи. В этом принципиально новое понимание различных текстовых включений, выводящих воспринимающее сознание за его (текст) пределы, средства «разгерметизации текста» по В.Е. Чернявской.

Интертекстуальность как свойство текста – это не просто связь с другими текстами и напоминание об уже известном образе. Это соотношение авторской идей или отдельного элемента повествования с этим образом, на фоне которого он, этот элемент,

получает новую интерпретацию, новое звучание [14]. Откуда же берётся это «иное звучание»? Возможно, именно из тех областей сознания, которые включаются в результате взаимодействия / диалога с текстовым пространством. Ю.М. Лотман описывает близкое явление риторического текста, который «может быть представлен в виде структурного единства двух (или нескольких) подтекстов, зашифрованных с помощью разных непередаваемых кодов», при этом «переходя в другую сферу, та или иная значимая структура сохраняет связь со своим естественным контекстом», создаётся риторическая ситуация, «в которой заключается мощный источник выработки новых значений» [9: 88, 98]. Это может быть абсолютно любая семиотическая / знаковая система, которая выпадает из основной ткани текста, воспринимается на первый взгляд как некое инородное включение, то есть читатель легко может заметить «шов» (по В.Е. Чернявской) данной вставки, например, если это иностранное слово в речи героя, известная цитата или квазичитата.

В этот момент текст и становится генератором новых смыслов. Такие включения заставляют читателя задуматься, фокусируют его внимание, позволяют не пропустить ту деталь, которая имеет значение для целого, подняться над поверхностным уровнем содержания текста и видеть перспективы его смысла, прочитать подтекст, расшифровать текст. Так текст приглашает своего читателя к диалогу: «...в процессе создания текста писатель одновременно из огромного числа потенциально данных ему материалов (традиции, ассоциации, предшествующее собственное творчество, тексты окружающей жизни и пр.) создаёт некоторый канал, через который пропускает возникающие в его творческом воображении новые тексты, проводя их через пороги трансформаций и увеличивая их смысловую нагрузку... Читатель повторяет этот процесс в обратном направлении, восходя от текста к замыслу» [9: 120]. Однако как любой творческий процесс, по словам Ю.М. Лотмана, этот процесс будет асимметричен, что и вызовет «толерантное» приращение смысла. Для текста важна динамика, движение мысли, состояние диалога с читателем, что и составляет его уникальность. Тогда интертекстуальность и интердискурсивность как взаимообуславливающие неотъемлемые характеристики

текста могут составлять его категорию наряду с традиционными и будут относиться к абсолютно любому тексту, так как представляют тот признак, который и делает текст текстом. Если рассматривать понятие категории с точки зрения грамматики, то оно предполагает наличие общего понятия, определяющего категорию и граммем, образующих оппозицию в рамках данной категории. В случае с интертекстуальностью и интердискурсивностью можно назвать таким общим понятием, характеризующим текст, его диалогичность или открытость, опираясь на идеи В. Чернявской, Ю. Лотмана, М. Бахтина. Хотя, конечно, нужно признать, что интердискурсивность может рассматриваться как связь языка с другими неязыковыми семиотическими системами, что делает данное предположение спорным. В этой связи интересна позиция М. Пфистера, который также объединяет эти понятия как виды интертекстуальности. Он делит интертекстуальность на вертикальную, под которой понимаются связи предшествующих и последующих текстов между собой, связи текстового универсума, и горизонтальную интертекстуальность, когда взаимодействие происходит между текстом и реципиентом. Тогда связи на уровне (пред)текст-интертекст будут реализовывать интертекстуальность, в основе которой лежит другой тип связи дискурс-интердискурс и формирует такое свойство текста как интердискурсивность [18: 31—58].

Понимание текста как открытой системы, как дискурса и интертекста, предполагает наличие в нём определённых единиц, которые позволяют тексту реализовывать свои интердискурсивные и интертекстуальные связи, стать той каплей, в которой отражаются все предшествующие тексты и та среда, в которой он(и) были созданы. Существует множество языковых средств, выражающих интертекстуальность: аллюзия, цитация, афоризм, пародия, реминисценция. Данные языковые средства называют интертекстемами. **Интертекстема**, по определению И.В. Арнольд, — это лингвистическое средство реализации интертекстуальных связей [2: 25]. Источником интертекстом служат **прецедентные тексты**. Впервые ввел данный термин в научную практику Ю.Н. Караулов, который понимал под этим понятием тексты “(1) значимые для той или иной личности в познавательном и

эмоциональном отношении, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности” [7: 105]. Г.Г. Слышкин уточняет данный термин, определяя его как любую характеризующуюся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающую ценностной значимостью для определенной культурной группы [13: 29].

С позиции постструктурализма интертекстуальность связывается с положением «мир есть текст», сформулированным ещё Ж. Деридда. Текст, таким образом, связан не только с внешним текстовым пространством, но и с культурным пространством общества. В этом случае интертекстема будет апеллировать не к прецедентному тексту, а к **прецедентному знанию** (системе ценностей, традиции, история и т. д.) [16: 156]. Объединяя эту теорию с теорией М. Пфистера, можно разграничить интертекстемы вертикального порядка (по линии взаимодействия текст-текст) и горизонтального порядка (по линии взаимодействия текст-реципиент).

Элементы предтекста в составе интертекстемы называются маркерами или репрезентантами, а сам первоисточник выступает ее денотатом. Элементы, приводящие к изменению прецедентного текста, Н.Ю. Новохачёва называет антимаркерами или трансформантами, что делает интертекстему экспрессемой [10].

Основными и сложными для отграничения понятиями группы интертекстем являются аллюзии, цитаты и реминисценции, так как границы между ними достаточно прозрачны. А.Е. Супрун определяет понятие реминисценции широко, как обобщающее. По определению автора, это осознанные vs. неосознанные, точные vs. преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста. Они могут представлять собой цитаты (от целых фрагментов до отдельных словосочетаний), «крылатые слова», отдельные определенным образом окрашенные слова, включая индивидуальные неологизмы, имена персонажей, названия произведений, имена их авторов, особые коннотации слов и выражений, прямые или косвенные напоминания о ситуациях.

При текстовой реминисценции может иметься или отсутствовать разной степени точности отсылка к источнику [14]. Причиной такого широкого определения может быть отсутствие определённого плана выражения у данных языковых единиц.

У реминисценции воспроизводится план содержания. Он расплывчатый, с размытыми границами семантики, это не семантика в обычном смысле слова, а лишь аналогия подобной ситуации, подобному образу, подобному событию, уже описанному в другом тексте, память о котором сохраняют участники общения. А вот план выражения не может быть всегда и полностью воспроизведен, поскольку нет жесткой формы текстовой реминисценции; некоторого точного и обязательного плана выражения текстовой реминисценции не существует. В этом и состоит не просто периферийность, но и некоторая пограничность места текстовой реминисценции в языке: это скорее не строгие единицы, как слова, морфемы, предложения, фразеологизмы, а такие элементы, которые относятся, быть может, больше к психологическим феноменам памяти, чем собственно языка как системы, но поскольку эта память о словесных явлениях, она примыкает к языковому устройству и текстовые реминисценции могут рассматриваться как часть языка [14].

Аллюзию некоторые авторы также относят к видам текстовых реминисценций. Она определяется как заимствование определенных элементов претекста, по которым происходит их узнавание в новом тексте. Главной задачей читателя и исследователя является не просто «узнать», но и декодировать тот замысел, ту концепцию, которую авторы хотят донести, используя различные аллюзии [11: 95]. С другой стороны, авторы указывают на то, что аллюзия также предполагает активизацию фоновых знаний адресата. По определению М.А. Авериной, аллюзия — «стилистическая фигура, содержащая указание или намёк на некий литературный, исторический или политический факт, закреплённый в текстовой культуре или в разговорной речи»[1]. Это значит, что при формировании дополнительного смысла, подтекста аллюзия выходит за пределы текстового пространства.

Реминисценция и аллюзия рассматриваются некоторыми

авторами также и в составе цитат. В диссертации М.В. Саблиной в рамках прямых цитат разграничивается цитата, цитация и цитирование. «Виды цитаты образуют микросистему, которая может быть представлена в таком соотношении терминов: цитата — родовое понятие по отношению к прямой цитате, косвенной цитате и цитате-синкрете; прямая цитата — родовое понятие по отношению к дословной и видоизмененной цитатам; косвенная цитата — родовое понятие для реминисценции и литературной аллюзии» (табл.1) [12].

Таблица 1. Типология цитат

цитата			
прямая		синкрет	
цитата	квазицитата	реминисценция	аллюзия

Е.М. Дронова также разграничивает цитаты и цитации. У **цитаций**, по её мнению, отрывок из другого текста приводится в заимствующем текст без изменений с отсутствием ссылки на источник. **Цитата** в отличие от цитации маркируется графическими средствами (оформление чужой речи, курсив, разрядка и т. п.). Если исходный текст был намеренно модифицирован, но остался при этом узнаваемым принято относить это к **квазицитациям** [5: 54].

Таким образом, можно отметить явную противоречивость в определении родо-видовых отношений единиц, реализующих интертекстуальность. В качестве решения проблемы О.В. Фокина предлагает делить интертекстемы на те, что имеют вербальный характер (цитаты и квазицитаты) и на те, что имеют когнитивный характер (реминисценции и аллюзии). Такое обобщение видов заимствований претекста представляется разумным, так как их восприятие действительно происходит на двух уровнях: на начальном этапе на уровне формы, а затем – на уровне скрытого содержания. Авторская интенция содержит намерение вызвать у читателя определённые реминисценции и аллюзии, на текстовом уровне их репрезентантом и маркером являются цитаты и квазицитаты. В этом случае мы имеем дело с припоминанием известной фразы / фрагмента претекста и переноса его значения на заимствующий текст. Это О.В. Фокина называет реминисценцией.

В другом – с определёнными ассоциациями, которые вызывает цитата или квазицитата в сознании адресата. В этом случае мы имеем дело с аллюзией. Таким образом, аллюзии продуцируются на ассоциативном уровне, реминисценции основываются на вычленении текстовых фрагментов. Авторские и читательские реминисценции и аллюзии могут совпадать, а могут и не совпадать. В последнем случае речь идёт о коммуникативной неудаче, что зависит от характеристики языковой личности, воспринимающей текст [15: 699—703]. Соотношение понятий обобщим в таблице 2.

Таблица 2. Виды интертекстем

Интертекстемы				
Вербальный характер		➔	Когнитивный характер	
Цитата	Квазицитата		Реминисценция	Аллюзия
точная дословная выдержка из какого- либо текста, высказывания	изменённая цитата			перенос значения фрагмента первичного текста

Интересен также вопрос о том, как данные свойства исходного текста будут сохраняться при переводе на другой язык. Ю.М. Лотман в своей статье «Понятие границы» пишет о том, что воспринимая и организуя в своём сознании окружающее пространство по своему подобию (верх-низ, центр-периферия, внутри-снаружи), человеческое сознание представляет за границами собственного мира «хаос, антимир...», воплощающее нечто непонятное и опасное. Однако граница между своим и чужим также будет и «местом непрерывающегося диалога» [9: 215]. В нашем случае, диалога семиосфер, ментального культурного пространства и текстов как его отражения. Приведём несколько примеров. Целью практического анализа будет установление вида интертекстемы и определение механизма выявления имплицативных смыслов, возможности

переноса импликаций в переводной текст, трансформация имплицитивных смыслов при переводе. В качестве контекстов для практического анализа будем использовать отрывки из романа В. Пелевина “Empire V”. Выбор современной прозы обусловлен характером текста. Стиль автора отличается обилием подтекстов, проекцией текста на современную действительность, обращением к актуальным проблемам общества. В аспекте перевода это может вызывать особую сложность, так как иноязычный читатель выключен из данного культурного пространства.

В первом контексте герои романа, прогуливаясь по улицам Москвы, обращают внимание на рекламный щит:

(Люди) создали потрясающую культуру и цивилизацию. Мне трудно поверить, что всё это появилось только для того, чтобы вампиры могли без проблем обеспечивать себя пищей. Посмотри по сторонам...

Гера отреагировала буквально. Остановившись, она с комичным вниманием оглядела всё вокруг: кусок Нового Арбата, кинотеатр Художественного фильма, Министерство обороны и станцию метро «Арбатская», похожую на степной монгольский мавзолей.

*- Посмотри сам, - сказала она и указала на рекламный щит впереди. На щите была реклама унитаза – огромные цифры «9999 рублей», и подпись: «**Эльдорадо – территория низких цен**». (...)*

Унитаз вдруг пришёл в движение и распался на вертикальные полосы. Я понял, что щит состоит из вертикальных планок. Когда они повернулись – появилась другая реклама – телефонного тарифа. Она была выдержана в жизнерадостных жёлтых и синих красках: «10\$ не лишние. Подключись и получи 10 долларов!» Прошла ещё пара секунд, планки снова развернулись, и появилось последнее изображение – строгая чёрная надпись на белом фоне:

Я Господь, Бог твой, да не будет у тебя других богов кроме Меня.

- Потрясающая культура и цивилизация, - повторила Гера [В. Пелевин Empire V, 192-193].

В данном отрывке репрезентантом реминисценции будет цитата и квазичитата. Первый пример представляет собой рекламный слоган торговой компании, о чём говорит дословный характер заимствования и отсутствие трансформантов. Второй пример по

форме – квазицитата, так как представляет собой изменённый и сокращённый вариант исходного текста заповеди: *Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства, да не будет у тебя других богов перед лицом Моим.*

В переводном варианте трансформации обусловлены расхождениями систем языков и легко осуществляются переводчиком, импликации сохраняются:

“Schau selbst!”, sagte sie und deutete voraus auf eine Werbetafel. Auf ihr wurde für Klosettbecken geworben. In Riesenziffern der Preis: 9999 Rbl., darunter der Schriftzug: *Eldorado - Tiefpreisterritorium!*

Plötzlich geriet das Klosett in Bewegung und zerfiel in senkrechte Streifen: Die Tafel bestand aus drehbaren Dreiecksleisten. Als sie sich wieder geschlossen hatten, war eine Werbung für Telefentarife zu sehen, in lebensfrohen Gelb- und Blautönen gehalten: 10\$ - nicht zu verachten! Melde dich an und kassiere! Sekunden später drehten die Leisten sich erneut, und die letzte Werbebotschaft erschien – strenge schwarze Schrift auf weißem Grund: *Ich bin der Herr, dein Gott. Du sollst keine anderen Götter haben neben mir* [Das fünfte Imperium, übersetzt von A. Tretner, S.191-192].

Второй пример реминисценции в немецком варианте в большей степени близок к оригиналу, нежели вариант исходного текста: “Ich bin der HERR, dein Gott, der ich dich aus Ägyptenland, aus der Knechtschaft, geführt habe. Du sollst keine anderen Götter haben neben mir.” Однако на импликативные смыслы это не влияет. Реминисценции здесь создают подтекст на основе противопоставления: «потрясающая культура и цивилизация», отражённая на рекламном щите, сочетающем одновременно и рекламу унитаза, и библейскую заповедь оставляет большое сомнение в том, что какая-либо культура и цивилизация в данном обществе вообще существует.

Примером аллюзии может служить следующий контекст:

Кидание понтов, бессмысленных и беспощадных – обычная российская болезнь, которая передаётся и вампирам.

В переводе:

Sich sinn- und gnadenlos größer zu machen, als man ist – das ist eine typisch russische Krankheit, vor der auch die Vampire nicht gefeit sind [Das fünfte Imperium, übersetzt von A. Tretner, S.200].

Репрезентантом аллюзии служит разговорное выражения, отсылающее к прецедентному знанию. В этом случае перевод невозможен, так как задействованы ассоциативные механизмы, имеющие специфичную культурную основу. Ассоциативный характер аллюзии отмечает также Л.Ю. Горнакова. В механизме расшифровки аллюзии автор выделяет элементы пресуппозиции и импликации. То есть, воспринимая данную интертекстему, адресат опирается на известные ему факты о претексте (пресуппозиция) и переносит признаки на заимствующий текст, что и образует импликации, формирует подтекст [4: 62-66]. У читателя переводного текста нужная пресуппозиция отсутствует.

Рассмотрим ещё один пример:

Мне ведь и телевизор надо смотреть, и журналы читать, теперь вот ещё интернет. Там столько всего разного рекламируют! И объясняют – ты, мол, достойна! Не сомневайся....

*- Я и не сомневаюсь, - продолжила она. – Понятно, что достойна, раз весь **гешефт** на мне держится. Но ведь я не могу самолёт купить. Или яхту... То есть могу конечно, но что я с ними делать буду? [В. Пелевин Empire V, С.256].*

Автор использует квазицитату, отсылающую к рекламному слогану. Трансформанты, используемые в контексте делают аллюзию экспрессивной, создают впечатление горькой иронии героини, такой типичной для русских. Предтекст - пример манипулятивной рекламы общества потребления. Акценты перемещаются с практической пользы объекта обладания на мифическое удовлетворение собственного эго. Чуть дальше по контексту пример про победу. Подключается цитата-иллюстрация, поддерживающая аллюзивный смысл, дающая ключ к разгадке аллюзии:

Знаешь, как в песне – «и значит нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим»... Фронтовики говорят, здесь смысл не в том, что денег много, а в том, что ног нет. Вот так и я.

Известный слоган звучит в исходном варианте “Weil ich es mir wert bin”, также как и в исходном тексте содержит трансформанты, но остаётся узнаваемым, а вот второй пример аллюзии отсылает к специфическому культурному факту (текст русской военной песни), поэтому подтекст при переводе поднимается на поверхностный

уровень. Иностранное слово в исходном тексте (гешефт) функционирует как экспрессема, привлекает внимание читателя, выделяет это явление в речи героини. Слово “бизнес”, такое популярное в современной России, уже давно стало вполне рядовым, поэтому приём автора в создании контекста с использованием такого языкового шва, не может остаться для читателя незаметным. В переводном контексте эта импликация исчезает.

„Und dann muss ich fernsehen und Zeitschriften lesen. Und jetzt auch noch Internet. Was dort so alles beworben wird! *Mach was aus deinem Typ!, heißt es da. Zweifle nicht an dir!*”

“Also lass ich die Zweifel sein”, setzte sie ihre Tirade fort. “Wozu auch, das ganze Geschäft steht und fällt mit mir! Aber ein Flugzeug kaufen, das kann ich ja nicht. Oder eine Yacht... Na gut, ich könnte schon, aber was soll ich damit?”

(...) “Du erinnerst dich vielleicht der alten Liedzeile: Nur ein Sieg, nur ein Sieg kann uns helfen, auf den Sieg, nicht den Preis, käm es an.... Denn was soll man mit viel Geld, wenn einem die Beine fehlen, so denken die alten Frontkämpfer. Genauso geht’s mir” [Das fünfte Imperium, übersetzt von A. Tretner, S. 252].

Таким образом, интертекстемы можно разделить по форме и основе формирования имплицитивных смыслов. По форме интертекстемы можно признать цитатами, заимствованиями единиц прецедентных текстов или прецедентного знания. Вербальная форма может оставаться без изменений, изменяться в количественном (сокращаться) и качественном отношении (квазицитаты). Импликации, возникающие на основе заимствования прецедентного текста, типичны для реминисценции. Если приращение смысла возникает на основе ассоциативных связей с культурным контекстом (прецедентным знанием), такое явление будет являться аллюзией. Аллюзивные связи контекста особо сложно поддаются переводу, так как иноязычный читатель не ориентируется в культурном пространстве носителей. Подтекст в этом случае часто поднимается на поверхностный уровень или опускается. Реминисценции могут поддаваться переводу, если тексты, к которым отсылает автор, относятся к текстам с общей культурной значимостью, например, Библия, тексты мировой литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверина М.А. Текстовые реминисценции в заголовочных комплексах современных СМИ (на материале «Российской газеты») // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. XXVII междунар. науч.-практ. конф. № 8(27). – Новосибирск: СибАК, 2013. – С. 12 – 17.
2. Арнольд И.В. Стилистика. Интертекстуальность. — СПб., 1999. — 156 с.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. — М.: Прогресс, 1989. — 616 с.
4. Горнакова Л.Ю. Роль аллюзивного антропонима в семантике художественного текста // Известия вузов Серия «Гуманитарные науки». – Иваново, 2010. - № 1. — С. 62 — 66.
5. Дронова Е.М. Язык, коммуникация и социальная среда. — М., 2004. — 105 с.
6. Карасик В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. — Волгоград: Перемена, 2002. — № 6. — С. 5 — 19.
7. Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. – М., 1986. – С. 105—123.
8. Кристева Ю., Бахтин М. Слово, диалог и роман / Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. — М.: ИГ Прогресс, 2000. – С. 427—457.
9. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. — СПб.: Азбука, 2015.— 416с.
10. Новохачёва Н.Ю. URL: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=4967
11. Пьего-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. — М., 2008. – 240 с.
12. Саблина М.В. Цитата и цитирование в текстах современных российских газет. – Автореферат диссертации. - URL: <http://www.dissercat.com/content/tsitata-i-tsitirovanie-v-tekstakh-sovremennykh-rossiiskikh-gazet#ixzz4UjQ9sG00>

13. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 141 с. URL: http://window.edu.ru/resource/886/66886/files/slyshkin_linguokulturnye_koncepty.pdf
14. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/suprun-95.htm>
15. Фокина О.В. Интертекстуальность СМИ как когнитивно-вербальный феномен // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Филология. — Нижний Новгород, 2011. — № 6(2). — С. 699-703
16. Цыренова А.Б. Аллюзия как средство выражения авторской интенции // Вестник челябинского государственного университета. Филология. — Челябинск, 2012. - № 21. — С 155—161.
17. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интретекстуальность, интердискурсивность. – Учебное пособие. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.
18. Ulrich Broich&Manfred Pfister: Intertextualität. Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien. Tübingen: Niemeyer 1985. S. 31—58. URL http://www.geisteswissenschaften.fu-berlin.de/v/littheo/methoden/intertextualitaet/darstellungen/vanhelt_pfister.pdf

Источники контекстов примеров

1. Пелевин В. “Empire V”. – М.: Эксмо, 2014. – 416 с.
2. Pelevin V. “Das fünfte Imperium. Ein Vampiroman”, übersetzt von Andreas Tretner - München: Lichtenhand Verlag, 2009. – 399 S.